

Л.Г. ТИТАРЕНКО

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ПОИСКЕ ОТВЕТОВ НА ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета; ассоциированный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Минск, Беларусь (larissa@bsu.by).

Аннотация. Развитие теории – неотъемлемая часть науки. Российская социология работает в обстановке вызовов и социальных угроз, что предполагает пересмотр подходов к решению проблем общества на фоне назревших корректировок теоретических моделей развития социального знания. Этот во многом болезненный процесс требует интеллектуальных усилий, переосмысления существующих в российской литературе макротеорий. Идет активный поиск новых путей развития социологической науки; этот поиск сопровождается пересмотром известных «универсальных» моделей модернизации общества при сохранении собственного культурного наследия. Решение научных задач такого этапа позволит российской социологии определить свое место в глобальном научном сообществе. В статье предложены мысли автора о том, какие теории могут сегодня считаться релевантными для социологии в России. В фокусе рассмотрения новые варианты подходов к теории модернизации и цивилизационных теорий.

Ключевые слова: социологическая теория • российская социология • теоретические вызовы • альтернативная модерность • модернизация • цивилизационный подход

DOI: 10.31857/S013216250025794-6

В поисках новых путей. Процесс конструирования новых и ревизия старых теорий в социологической науке каждой отдельной страны постоянен, поскольку любое общество нуждается в теоретическом осмыслении и рефлексии социальной жизни. Невнимание сообщества ученых к фундаментальным вопросам теории, как показывает история социологии, приводит к игнорированию дисциплиной траектории собственного развития, к непониманию и недоиспользованию возможностей социологии как таковой. Научные дисциплины призваны предлагать модели, теоретически обоснованные перспективы и подходы, дающие возможность рассматривать те конкретные вопросы, решение которых вне теоретического фрейма остается неопределенным, случайным, чреватым осложнениями в масштабе страны.

В социологии – даже в «нормальных» условиях – вызревают перемены, наука не успевает отвечать на новые вызовы. Этот тезис верен для глобальной и для российской социологии, хотя их «ответы» на вызовы и сами вызовы – разные. На уровне мирового развития не первое десятилетие констатируется рост неопределенности и турбулентности. Для российской социологии характерно вялое развитие идей, которые появились в конце XX – начале XXI в. Два года назад на Харчевских чтениях М.Ф. Черныш подчеркнул, что «теоретическая проблематика – это своего рода ахиллесова пята развития российской социологии» [Романовский, Бийжанова, 2022: 143]. Резче тогда высказался чешский социолог И. Шубрт: ни глобальная, ни российская теоретическая социология пока не способны «дать ответы на новые вопросы, вставшие перед человечеством» [там же].

Новые теоретические подходы к описанию и анализу социальной реальности на рубеже веков, при интенсивной критике существующего общества, предлагались зарубежными авторами [Wallerstein, 2001; Ritzer, 2003]. П. Штомпка отверг модель универсальной модернизации с жестко детерминированным направлением и предзаданным (согласно

детерминантам, выведенным Парсонсом) результатом. Однако Штомпка не поддержал и концепций непредсказуемости, спонтанности развития общества, которые абсолютизируют свободу воли агентов действия (постмодерн). Он понимал развитие общества как социальное становление, самопреобразование общества посредством развертывания агентности в рамках, заданных предшествующей человеческой практикой. Результат такого становления не детерминирован, зависит от случайностей и от практик агентов [Sztompka, 1993]. Эти мысли о становлении нового мира в большой мере соответствуют происходящему в настоящее время в обществе и в социологии, хотя Штомпку сейчас практически не вспоминают.

Потребность в адекватной социологической макротеории возростала; данная потребность проявлялась в звучащих диагнозах неопределенности состояния российской и глобальной социологии, в поисках выхода из него [Turner, 2022; Титаренко, 2022]. Обозначаются и варианты подходов к проблеме. Принять ли в качестве образца построения новой макротеории общества существующие универсальные модели или пытаться искать нечто самостоятельное – это выбор социолога-теоретика. Состояние конкретного социума всегда, так или иначе, влияет на этот выбор. Сегодня Россия в какой-то мере остается в «либеральном прошлом», но турбулентное настоящее во все большей мере стимулирует и определяет происходящие в обществе процессы. В таких условиях зачастую и предложения новых моделей для социологического теоретизирования включают/отвергают имитации зарубежных теорий – по большей части «улучшенные» концепции социологии второй половины XX в.

В последние 30 лет социальная, социологическая теория в России не стояла на месте. Вопросы настоящего и будущего страны оставались в повестке социологов, социальной науки. Можно назвать теории С. Кирдиной, Н. Лапина, Н. Розова, О. Шкаратана, Ж. Тощенко, которые сопровождалась волнами дискуссий в научном сообществе. Однако к началу третьего десятилетия XXI в., если отслеживать публикации в ведущих социологических журналах России, практически всеми отмечался тренд теоретического застоя: не было выдвинуто теорий, поддерживаемых хотя бы активной частью сообщества социологов страны. Не заметно и движения к консенсусу, к которому следует дальше идти, независимо от того, что определенные теории (включая те, которые заимствовались на «обобщенном» Западе) получали широкое освещение [Шубрт, 2021]. Правда, сама западная социология к этому рубежу оказалась в трудной ситуации, но это – предмет особого разговора.

Подчеркну еще одно определяющее обстоятельство. Практика показывает нашим современникам-соотечественникам, что нет стран, которым в равной степени подходит универсальная теория, предлагающая общую объяснительную рамку и подход к пониманию общественной жизни. В реальной жизни любая теория требует хотя бы некой адаптации, «подгонки» под конкретную страну. Если этого не происходит, то причиной может быть непререкаемый авторитет господствующей в сообществе ученых, представителей социального знания, универсальной теории и/или высокий научный статус ее автора. Известно, например, что когда в середине XX в. Т. Парсонс предлагал миру теорию модернизации, он сумел позиционировать ее как универсальную. Одновременно с этим Парсонс-теоретик вольно или невольно создал теоретическую основу пропаганды утверждений, что США достигли стадии образцовой для всего мира «системы современного (modern) общества». Остальным странам остается их догонять, адаптируя модернизацию в форме «догоняющей» теории развития. Те, кто не развивают у себя предложенные Парсонсом эволюционные универсалии, якобы обречены на постоянное отставание или «конвергенцию» с моделью США (эту перспективу он рисовал для СССР, где не было, используя термины Парсонса, свободного рынка, открытого общества и т.п.) [Парсонс, 1998].

В ретроспективе можно сказать, что и российская социология (по крайней мере, на первом этапе постсоветских трансформаций) вполне обходилась парсоновской по духу моделью (признаваемой скрыто или явно), принимая ее как теорию российской модернизации или других сходных своей сутью перспектив. Предлагаемые в 1990-е гг.

обоснования происходивших перемен прямо ориентировали на насаждение и развитие эволюционных универсалий рынка и западной демократии независимо от культурно-исторической и социальной специфики региона. В некоторых российских работах политическая модернизация однозначно отождествлялась с либерализацией [Пантин, Лапкин, 1998]. По этому поводу опять сошлемся на М.Ф. Черныша: с начала 1990-х гг. новые объяснительные модели «приходили в основном из зарубежных научных центров и часто пересаживались на российскую почву без должного критического обсуждения». В результате в российской общественной науке укреплялся до конца не преодоленный до сих пор «комплекс ученичества» – «когда все то, что генерируется зарубежной социологией, считается важным, достойным, основательным» [Черныш, 2022: 11]. Осознание этого рода фактов запаздывало в среде российских социологов. Подражательный характер российской (и восточноевропейской) социологии тех лет очевиден ряду критически мыслящих социологов Запада [Блоккер, 2022: 173]. Некоторые современные зарубежные авторы отмечают: русская мысль XIX – начала XX в. в лице В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского пыталась противопоставить западному универсализму оригинальные цивилизационные концепции, отразившие конкретную специфику русского общества [Чэ Юйлин, Тэн Яньцзяо, 2023]; и эти идеи релевантны современности. Но этим не ограничиваются задачи выхода российской социологии на передовые в теоретическом плане рубежи. Можно говорить и о развитии тех позитивных подходов, которые формировались последние десятилетия в среде российских социологов при освоении и переосмыслении теоретических достижений мировой социологической мысли.

О теориях модерна и модернизации. История бытования в современной России теорий модерна и модернизации служит: а) преодолению зависимости российских теорий от западного мейнстрима, б) опорой для поисков на пути развития социологии в стране, в) прорыву к сути требуемых временем теоретических открытий. На рубеже XX–XXI вв. в российской социологии и в других социальных науках получили широкое распространение либеральные теории, часто продвигавшиеся в среду ученых в рамках программ Фонда Сороса, подобных ему ино- и просто агентом. Факт их поддержки людьми во и вокруг власти в постсоветской ситуации стал решающим. Но часть российских социологов склонялась к концепции трансформации как более адекватному подходу к происходившим в России переменам. Как позднее писал Н.И. Лапин [2018: 112], аргументы в пользу трансформации исходили от Т.И. Заславской и В.А. Ядова. Их тезис о «трансформации» был формой оппонирования стремлению сторонников Б. Ельцина утвердить в общественном сознании облик событий 1991–1993 гг. как «славной» революции.

В сравнении с модернизацией трансформация не предполагает определённой цели и осуществляется преимущественно спонтанно, что и было характерным для радикальных социально-экономических преобразований, которые осуществлялись под флагом «рыночных реформ». Главной мотивацией социологов, скорее всего, выступило желание использовать популярные западные концепции, ожидая, что они принесут положительный результат и в России. Вопросы о том, имеются ли в России для этого средства и ресурсы, возникли позднее. По сути дела, новой теории эволюционной трансформации не предлагали, хотя и позиционировались как «шаг вперед» в сравнении с теорией модернизации. Обе теории могли принести и принесли властвующей неолиберальной элите противоречивые результаты. Постсоветские реформы воспринимались населением без энтузиазма и не приводили к декларируемым целям [Черныш, 2021: 3].

На рубеже 2010-х гг. в литературе превалирует термин «модернизация» для характеристики проводимых реформ российского общества в социально-экономической, политической, культурной сферах. Такой статус этого термина объясним не только тем, что теория модернизации выглядела простой, понятной и многообещающей. Определенную лепту вносило разнообразие интерпретаций: одни акцентировали внимание на политической модернизации и власти, другие – на вопросах культуры, но большинство понимали под ней социально-экономические реформы общества, ведущие к материальному

благополучию. П. Вагнер не без оснований отмечает, что модернизация была тесно связана с идеей прогресса (у Парсонса этот аспект специально подчеркивался), импонируя и авторам, и последователям данной теории [Wagner, 2022].

Несмотря на определенные шаги к развитию российской версии теории модернизации, она сохранила западное происхождение и идеологический подтекст – зависимость от Запада. Этот аспект теории трактовался как определенный стимул приближения России к западному миру. Анализируя сложившуюся противоречивую ситуацию в обществе, П. Родькин утверждает: «В современной России главная идеологема звучит так: “У нас все как на Западе, но мы не Запад”» [Родькин, 2022: 131]. При перенесении на область теоретической социологии эта идеологема обретает примерно такой смысл: «Наши теории российского общества такие же, как на Западе, но они не являются западными».

В такой противоречивой ситуации вызывает осознание необходимости определиться с направлением развития теоретической социологии. В нашем контексте это не только прояснение личной гражданской позиции ученого, но и строго профессиональный вопрос о том, какие модели социального развития считать адекватными нынешнему состоянию общества. Конструирование новой/обновленной социологической теории для России требует переоценки моделей развития страны, предложенных за постсоветский период, включая те, которые казались вполне адекватными для практик разного рода. Переоценка эта важна не столько как стимул критического пересмотра опыта (как сейчас ясно, решающим образом ориентированного на Запад), сколько для уточнения/обновления нынешних приоритетов в понимании (объяснении, интерпретации, прогнозировании) действий в сфере социальной науки и социальной практики.

Очевидно, модернизация в сущностном плане означает переход к «современному» обществу (модерну). Это (хотя и в разных версиях) не оспаривалось в России конца XX в. Западные конструкты модернизации предлагались зарубежными теоретиками как вполне «адекватные» для России и поддерживались российскими учеными¹. Точного смысла понятия модернизации не оформилось. Сохранению теории помогало то, что применительно к России она постоянно дорабатывалась и развивалась. Руководитель проекта исследования мировых ценностей Р. Инглхарт, проработав несколько лет в России в 2010-е гг., на сопоставлении российских реалий с большим массивом данных, полученных во многих странах мира, показал, что эволюционное развитие нигде не осуществляется по универсальным схемам и что демократия, как и успехи рыночного развития, обратимы [Инглхарт, 2019]. На российские теории, подражающие западной модели, эти выводы не оказали существенного влияния. Либерализм и приверженность привычным западным подходам к обоснованию модели развития страны в значительной мере сохранялись.

Своего рода обобщение развитию теорий модернизации на российской почве представлено в работе Ю. Прозоровой о заимствованиях российскими учеными западных либеральных моделей [Прозорова, 2022]. Автор считает, что «постсоветские ассимиляции в России идей, практик и институциональных форм либеральной модерности породили оценки и локальные интерпретации западного проекта, способствовали артикуляции собственных оснований и принципов модернизации» [там же: 235]. Как результат, сформировалось два основных подхода к российской модернизации. Первый повторяет западный либеральный канон. Сторонники второго, нелиберального партикуляристского подхода, укрепившиеся с 2020 г., по культурно-институциональным формам отклонились от «нормативной западной модели». К ним автор относит модели модернизации, разработанные Н.И. Лапиным.

Одна из нерешенных прежних проблем теории модернизации состояла в том, что никто из социальных акторов в России не был готов к радикальным шагам во имя интересов всего общества. Н.И. Лапин выражал уверенность, что стратегия комплексной модернизации российского общества должна быть взята на вооружение и учеными,

---

¹ Теория модернизации развивалась в истории, экономике и в других науках, ее конвергентный смысл понятен российским авторам [Миронов, 2018: 91; Чирков, 2018: 22].

и правительством². Используя опыт китайской модернизации, Лапин показал, что Россия представляет собой объединение нескольких регионов, существенно различных по уровням социально-экономического и социокультурного развития; каждый регион нуждается в своих целях и темпах модернизации, чтобы в целом вся страна сделала модернизационный рывок вперед [Лапин, 2015].

Этот подход российского ученого не соответствовал канону западной модернизации, поскольку теория модернизации дополнялась гуманистическими целями, а страна разбивалась на регионы³, меняющиеся с разной скоростью, решающие свои задачи. Затем, понимая ограниченность теории модернизации западного образца, ведущей к росту социального неравенства между социальными группами и регионами страны, Лапин выдвинул идею «гибридного» транзита, идентичного, в его интерпретации, модернизации, которая бы осуществлялась в интересах всего общества, а не олигархов, но с сохранением позитивных аспектов западной модели. Эта версия «гуманистической модернизации», некоей «конвергенции посткапитализма и постсоциализма» в мировом сообществе социологов пока не получила поддержки (или распространения, признания). Лапин предлагал ускоренно развивать гуманистическое содержание модернизации, которое, как подчеркивалось, требует наличия сильного социального государства, федеральных целевых программ и «цивилизма», под которым понималось «гражданское общество, саморазвивающееся путём конвергенции посткапитализма и постсоциализма» [Лапин, 2018: 130]. Ученый полагал, что именно социологи должны разработать концепцию «цивилизаторской модернизации» [Лапин, 2018: 131]. Можно утверждать, что Н.И. Лапиным на этом этапе продумывались новаторские шаги по сближению позиций модернизационных и цивилизационных.

Шаги к цивилизационной программе. Схемы «гибридного транзита» к капитализму быстро исчерпали себя, как и предыдущие версии теории модернизации. Они и не могли быть реализованы. Россия оставалась глобальным поставщиком материальных ресурсов и квалифицированных специалистов для Запада, по-прежнему находясь в роли «догоняющей» стороны без шанса «догнать» лидеров. Поиски новой теории перед лицом «больших вызовов» 2020-х гг. продолжились.

Сама идея многообразия моделей модерна давно бытует в социологии; она была разработана на примере стран Азии, позднее (как следствие «культурного» поворота) охватив незападные страны, которые тем самым были поставлены как объект социологических исследований вровень с западной цивилизацией. Выявление специфики каждого паттерна модерна показывает их неповторимость, не давая оснований считать любой из них лучше других. Теория мультимодернов, на наш взгляд, важна для последующего анализа российской социологии, поскольку доказывает, что страны могут успешно экономически развиваться по пути, который больше соответствует их истории и культуре. При этом политические институты общества могут быть демократическими и авторитарными. Страновая культурно-историческая специфика и уникальный опыт формируют различия, которые определяют появление разных цивилизаций. Поэтому, пытаясь объяснить различия в развитии обществ, ряд ученых прошлого и настоящего брали за основу анализа цивилизационный подход, признающий множественность цивилизаций и – следовательно – множественность модернов⁴. Советский и постсоветский опыт, на наш взгляд, оправдывает складывающуюся здесь ситуацию.

---

² В первые годы второго десятилетия нынешнего столетия эту постановку вопроса, по всей видимости, во властных сферах России не отвергали, но и не замечали.

³ Охватив своей картографией модернизации Россию «от Москвы до самых до окраин», российский социолог де-факто предложил модель преобразований, применимых к различным, резко различающимся общественным формациям и укладам.

⁴ Остается вопрос для дальнейших размышлений: какой «элемент» перемен, преобразований выступает в роли ведущего и какой – в роли подчиненного – модернизационный или цивилизационный? Ниже мы к этому вопросу обратимся.

Поскольку советский проект конструирования модерна незападного типа закончился развалом страны, многим авторам казалось логичным следовать западной модели. Однако анализ советского модерна привел, например, левого по австралийским стандартам социолога к убеждению, что советский модерн провалился из-за серьезных политических ошибок элиты, не по причинам несостоятельности модели развития экономики [Arnason, 1993]. Смысл советского опыта модерна в том, что он опроверг универсальность западной теории модернизации и дал толчок успешному развитию других версий незападного модерна в мире. В их отношении был предложен особый термин – «альтернативный модерн». В настоящее время среди вариантов альтернативного модерна наиболее успешной выглядит китайская модель. Китайская Народная Республика в свое время выявила и переосмыслила советские ошибки развития «модерна» (игнорирование собственного социокультурного опыта прошлого) и сумела их не повторить, соединяя китайское культурное наследие с коммунистическими целями. В то же время Китай не копировал западную модель развития экономики, признавая, что «разные формы цивилизации основаны на разной культурной логике», и «поэтому невозможно использовать западную рационалистическую цивилизационную модель для суждения о других типах цивилизаций» [Чэ Юйлин, Тэн Яньцзяо, 2023: 54]. В полной мере этот вывод применим и к программам исследования российской цивилизации как альтернативного модерна.

Цивилизационный подход развивается не первый десяток лет. «...цивилизационная проблематика в течение всего XX в. привлекала внимание политических философов и наиболее проницательных политических исследователей, пытающихся продвинуться в развитии представлений о принципиальном многообразии культурно-цивилизационных оснований современного общества» [Лапкин, 2022: 135]⁵. Социологи участвовали в этом процессе. Н.И. Лапин в рамках крупного российского проекта цивилизационного развития исходил из признания идеи многовариантности цивилизаций и их нелинейной эволюции. Он считал Россию локальной цивилизацией, будущее которой зависит от выбора в качестве идеального эталона либо какой-либо локальной цивилизации («экзогенного» образца), либо решение пойти альтернативным путем и «сконструировать новый... пока не реализованный гуманистический принцип», следуя которому, она сможет стать «эндогенно-гуманистической» цивилизацией [Лапин, 2015в: 8]. «Выбор в пользу гуманной эволюции цивилизации» должен одновременно приблизить Россию как локальную цивилизацию к универсальной общецивилизационной модели реального гуманизма. Реальная проблема российской цивилизации виделась ученому в двойственности, пронизывающей историю и современные практики в стране: в глубоком разрыве между «западным цивилизационным сознанием "верхов" населения и исходными смыслами ядра культуры его исполнительских "низов"» [Беляева, 2023: 13]. Ученый концептуализировал преодоление такого разрыва посредством практической консолидации цивилизационного сознания населения, в чем-то равнозначной тому, что в недавние времена квалифицировалось термином *культурная революция*.

В такой постановке проблемы речь пока идет об идеальной социально-философской модели. Но очевидно вот что. Социологическая цивилизационная теория должна опереться на реально существующие основы общества, которые образуют российскую цивилизацию, понять и интерпретировать происходящие в ней процессы, ее связи с универсалистской моделью (если они раскрыты), определить в сравнительном анализе ее место среди других цивилизационных моделей, сконструировать вероятностные перспективы ее будущего развития [Россия как цивилизация..., 2015]. При рассмотрении процессов становления разных типов цивилизационной модерности нужен анализ отношений между

⁵ Исторически культурно-цивилизационный подход известен, по крайней мере, с Н. Данилевского, позднее его развивали О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин, Ф. Бродель, С. Хантингтон, И. Валлерстайн и др. По мнению современных российских сторонников такого подхода, в этот ряд следует добавить Ш. Айзенштадта, П. Арнасона, Н. Элиаса, Б. Витрока и др. [Российское общество..., 2021].

культурой, социальной структурой, человеческой деятельностью в конкретном обществе, чтобы понять диалектику сохранения и изменения социального порядка. Такой логический тренд цивилизационного анализа позволит глубже осмыслить происходящие в ней изменения и определить их как локальные, региональные, глокальные, универсальные.

В постсоветской социологии большое внимание данному подходу уделяли, кроме Н.И. Лапина (2015б), О.И. Шкаратан [Россия как цивилизация..., 2015] и В.В. Козловский с коллегами [Российское общество..., 2021]. Культурологические труды А.С. Ахиезера внесли вклад в понимание социокультурной эволюции российского общества и оказали влияние на ученых других социальных дисциплин. Почему данный теоретико-методологический подход представляется нам в Беларуси актуальным для развития российской социологии?

Во-первых, он позволяет соединить понимание развития российского общества как оригинального типа модерна и особого типа цивилизации (то есть два главных направления развития российских макротеорий). Напомним, что в цивилизационном анализе также имеют место универсалистский подход, признающий единственную общечеловеческую цивилизацию, и партикуляристский, смыкающийся с теорией альтернативных модернов, которая рассматривает многообразие и равноправие цивилизационных моделей, в том числе российской. Именно такая позиция позволяет проанализировать динамику развития российской цивилизации, объяснить ее прошлое, настоящее и вероятное будущее. При этом, следуя идее Н.Я. Данилевского, нельзя считать российскую цивилизацию моделью, приходящей на смену гегемонии западной модели: признание множественности модернов позволяет поддерживать культурное разнообразие мира как необходимое, если не обязательное, условие его развития [Данилевский, 2008: 512]⁶.

Во-вторых, поскольку этот подход прямо постулирует наличие разных типов цивилизаций в истории человечества, он подводит теоретическую основу неприятия подражания Западу. Более того, что отметил британский политолог Р. Саква, признание российской цивилизации должно положить конец лояльному отношению российских ученых к требованиям «цивилизационных изменений в самой России, которые подорвали бы её представление о самой себе, о своей культуре, идентичности и статусе» [Саква, 2023: 41]. Признание вариативности цивилизаций допускает их эволюционные трансформации, не поддающиеся жесткой детерминации, опирающиеся на предшествующие практики, установки и модели поведения людей.

В-третьих, признание России отдельной цивилизацией не означает ее ухода из глобального мира, она продолжит взаимодействие с другими модернами на разных уровнях. Наличие в цивилизационном анализе категорий «исторический регион», «перекресток цивилизаций» позволяет считать любую цивилизацию не замкнутым миром, а меняющейся и взаимодействующей с другими цивилизациями. Сравнительный анализ российской цивилизации позволяет выявить схожие с другими модернами механизмы развития, варьировать интерпретации в описании и концептуализации структур и институтов [Российское общество..., 2021]. Поскольку российская цивилизация неоднородна, в ее рамках могут применяться концепции регионализма и локализма, развиваться глокальные социокультурные практики. Цивилизационный подход не уведит российскую социологическую теорию в тупики изоляционизма, замыкания на себе самой, позволяя анализировать в контекстах конкретной цивилизации общие, региональные и локальные сценарии развития человечества.

В-четвертых, цивилизационный подход изначально признаёт, что цивилизации проходят путь становления, развиваются исторически; их развитие не телеологично. Цивилизации могут приходить в состояние упадка, считал П.А. Сорокин (цит. по: [Тойнби, 2004: 42–43]). Любая цивилизационная трансформация является результатом взаимодействия составляющих,

---

⁶ Собственно, в этом заключена суть «культурного поворота» в социальных науках – культура как независимая переменная всегда и везде накладывает свой отпечаток на состояние и динамику всякого общества.

которые проявляются через человеческую деятельность разными способами в разных исторических эпохах, связывая вместе структуры, культуру и человеческую практику.

В этом русле, на наш взгляд, и могут развиваться российские цивилизационные теории макро- и мезоуровней. Такой подход позволит выявить многомерные вариативные модели развития российского общества, связанные с возможными «ответами» на глобальные вызовы, стоящие перед российской цивилизацией. Реализация конкретной модели будет, на наш взгляд, зависеть от агентских практик субъектов действия, элит, других социальных групп, общества в целом. Преследуя схожие с нашими задачи, в середине прошлого десятилетия ученые констатировали, что российская цивилизация является локальной. Она развивается между Востоком и Западом, и в ее истории духовное и политическое ядро часто не соответствовали друг другу, причем «именно конфликт первого со вторым обуславливает циклы российской истории и трудность выхода. <...> В результате российская цивилизация достигла высот в развитии культуры, сохраняя проблемы в инфраструктуре личностного развития, отсутствие права на свободный выбор моделей жизни» и другие противоречия [Россия как цивилизация..., 2015: 189]. Можно не соглашаться с утверждениями, содержащимися в этой работе; изменились исторические условия. Однако данное обстоятельство стимулирует необходимость продолжения поисков вариативных цивилизационных теорий, опираясь на исследование моделей цивилизационного развития России и специфики нынешнего состояния ее экономики, политики, культуры.

Резюмируя изложенное, повторим: российская социологическая мысль активно продолжает поиски адекватных моделей развития общества. Продолжается совершенствование гуманистической модели модернизации, которую, в частности, развивал Н.И. Лапин. Параллельно для нас очевидна перспектива сближения этой модели с цивилизационным подходом.

Цивилизационная модель развития России может быть принята сегодня профессиональным сообществом и всем обществом, несмотря на то, что в прежние десятилетия рецепция этого подхода часто идеологизировалась. Как показывают социологические опросы 2022 г., в новых условиях интересы и эмоции россиян меняются. В обществе наблюдается всплеск национального самосознания после «депрессивного чувства национальной неполноценности» [Шестопал, Рогач, 2022: 57], которое в прежний период послужило созданию теории травмы [Тоценко, 2020].

Часть российских элит и интеллектуалов не разделяют чувств большинства, дистанцируются от него. Подобное разделение не произошло одновременно: его корни берут начало с событий 1990-х гг., если не раньше. Достаточно вспомнить исследования социологического сообщества С.-Петербурга [Соколов, 2010], где были выделены группы, члены которых практически отказывались от коммуникаций друг с другом из-за разных политических взглядов. Этот микросрез общества социологов, возможно, представлен в мегаполисе более явно, чем в провинции. Однако и в других мегаполисах и регионах современной России подобное противостояние, возможно, имеет место. Опыт Беларуси не позволяет обойти возможность этого.

Социологическое сообщество обязано реагировать на ситуацию. Современная ситуация в мировой социологии стимулирует ученых вести разработку теорий, которые бы давали ориентиры в отношении практик нынешнего общества, тенденций будущего. Вряд ли новые цивилизационные теории будут столь радикальны, чтобы вести к разрыву связей с теоретической социологией региона Северной Атлантики. Способно ли российское сообщество, не порывая связей с некоторыми фракциями зарубежной социологии, не брать образцы и модели из этого ресурсного источника, а генерировать собственные образы развития и быть готовым принять новое, даже если оно не общепринято в мировом сообществе, – вопрос открытый.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева Л.А. Николай Иванович Лапин: исследователь и организатор науки // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 5–15. DOI: 10.31857/S013216250022847-4.
- Блоккер П. Об удивительной живучести модернизационной теории // Неприкосновенный запас. 2022. № 1 (141). С. 163–174.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: ИРЦ, 2008.
- Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2019.
- Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015а. № 1. С. 5–10.
- Лапин Н.И. Дистанции между состояниями модернизированности макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // Общественные науки и современность. 2015б. № 5. С. 61–71.
- Лапин Н.И. Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 105–136. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542.
- Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть I. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. 2015в. № 4. С. 3–15.
- Лапкин В.В. Социально-политическая динамика эпохи глобального кризиса: цивилизационный бэкграунд // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 135–150.
- Миронов Б.Н. Модернизация России в XVIII–XX вв. как конвергенционный проект // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 91–103. DOI: 10.7868/S0132162518060089.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России (К обсуждению гипотезы) // Полис. Политические исследования. 1998. № 2. С. 39–51.
- Парсонс Т. Система современных обществ. Москва: Аспект-Пресс, 1998.
- Прозорова Ю.А. Демократия и советская модерность // Неприкосновенный запас. 2022. № 1 (141). С. 131–162.
- Родькин П.Е. «Культура разрыва» и общество потребления в контексте ухода «Макдональдс» из России // Общественные науки и современность. 2022. № 6. С. 125–136. DOI: 10.31857/S0869049922060090, EDN: FCLOK
- Романовский Н.В., Бийжанова Э.К. Теоретическая социология в России: состояние, проблемы, перспективы (О XXIII Харчевских чтениях) // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 143–145. DOI: 10.31857/S013216250018241-8.
- Российское общество: архитектура цивилизационного развития / Отв. ред. В.В. Козловский. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-375-1.202.
- Россия как цивилизация: материалы к размышлению / Под общей ред. О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова. М.: Мир России, 2015.
- Саква Р. Неуставные международные отношения // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1 (119). С. 34–50. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-34-50.
- Соколов М.М. Индивидуальные траектории и происхождение «естественных зон» в петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3. С. 111–132.
- Титаренко Л.Г. Теоретическая социология в современной России: глобальная и национальная перспективы // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250019601-4.
- Тойнби А.Д. Философия истории Сорокина // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 1–44.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы как третья модальность развития // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 1. С. 4–12.
- Черныш М.Ф. И снова модернизация: в поисках концептуальной схемы // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 3–12. DOI: 10.31857/S013216250014946-3.
- Черныш М.Ф. Культурный поворот и кризис проблематизации в современной социологии // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250023707-0.
- Чирков А.А. Теория модернизации в российской исторической науке // Философия и культура. 2018. № 3. С. 17–33.
- Чэ Юйлин, Тэн Яньцзяо. Критика русской мыслью западной модернизации и ее современное звучание // Вопросы философии. 2023. № 3. С. 47–57. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-3-47-57.
- Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н. Образы настоящего и будущего России в политическом сознании ее граждан // Общественные науки и современность. 2022. № 6. С. 45–61. DOI: 10.31857/S0869049922060041; EDN: FCHBHW.
- Шубрт И. Мысли о современной российской социологии и ее перспективах // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 5–15. DOI: 10.31857/S013216250011069-8.

- Arnason J.P. *The future that failed. Origins and Destinies of the Soviet Model*. Milton Park: Routledge, 1993.
- Ritzer G. *Globalization of Nothing*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003.
- Sztompka P. *The Sociology of Social Change*, Oxford: Wiley-Blackwell, 1993.
- Turner St.P. *Mad Hazard: a Life in Social Theory*. Bingley, UK: Emerald Publishing, 2022.
- Wagner P. Progress and modernity: the problem with autonomy // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Vol. 25 (2). P. 7–27.
- Wallerstein I.M. *The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century*. Minneapolis, MN: U. of Minnesota Press, 2001.

Статья поступила: 28.02.23. Финальная версия: 06.04.23. Принята к публикации: 13.04.23.

RUSSIAN SOCIOLOGY IN SEARCH OF RESPONSES FOR THEORETICAL CHALLENGES

TITARENKO L.G.

Belarusian State University, Belarus; Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Larissa G. TITARENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Belarusian State University, Belarus; Associate Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia (larissa@bsu.by).

Abstract. Any social science needs a theory as its integral part. Since 2022, Russian sociology has existed in the context of new challenges and social threats related to Russia's intentions to change the global balance of power. New conditions stimulate a revision of approaches to solving key problems of society and making adjustments to the theoretical models of its development. This is in many ways a painful process requiring intellectual efforts and political decisions. Since we are talking about Russian sociology, it is necessary to rethink the existing Russian macrotheories. There is an active search for new ways of developing social science. The search for these paths is accompanied by a rethinking of the well-known "universal" ways of modernizing society, which will help Russian sociology to determine its place in the global scientific community, while preserving its own cultural heritage. The article analyzes which theories can be considered relevant in Russia today, focusing on modernization schemes and civilization approach developed by Russian sociologists, in particular, by Nikolay I. Lapin.

Keywords: sociological theory, Russian sociology, big challenges, alternative modernity, modernization, civilizational approach.

REFERENCES

- Arnason J.P. (1993) *The future that failed. Origins and Destinies of the Soviet Model*. Milton Park: Routledge.
- Belyaeva L.A. (2023) Nikolai Lapin: researcher and science promoter. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–15. (In Russ.)
- Blokker P. (2022) On the amazing vitality of the modernization theory. *Neprikosnovenniy zapas* [Emergency reserve]. No. 1 (141): 163–174. (In Russ.)
- Che Yuling, Teng Yanjiao. (2023) "Criticism of Western Modernization in Russian Thought and Its Consonance to Modernity". *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 3: 47–57. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2021) Modernization re-visited: searching for a new conceptual scheme. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–12. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2022) Cultural turn and the crisis of problematization in modern sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 3–14. (In Russ.)
- Chirkov A.A. (2018) Modernization theory in Russian historical science. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. No. 3: 17–33. (In Russ.)
- Danilevsky N.Ya. (2008) *Russia and Europe*. Moscow: IRC. (In Russ.)
- Inglehart R.F. (2019) *Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2015a) Current theoretical and methodological aspects of Russian modernization studies. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–10. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2015b) Distances between the states of modernization of macro-regions of Russia and their civilizational meanings. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. No. 5: 61–71. (In Russ.)

- Lapin N.I. (2015b) Fundamental values of civilizational choice in the 21st century. Part I. Human civilization before choosing the configuration of fundamental values. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 4: 3–15. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2018) Hybrid transit and the need for “modernization for all”. *Vestnik Instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 27: 105–136. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542. (In Russ.)
- Lapkin V.V. (2022) Socio-political dynamics of the era of the global crisis: civilizational background. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 6: 135–150. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2018) Modernization of Russia in the XVIII–XX centuries as a convergence project. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 91–103. (In Russ.)
- Pantin V.I., Lapkin V.V. (1998) Waves of political modernization in the history of Russia (Discussing a hypothesis). *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 2: 39–51. (In Russ.)
- Parsons T. (1998) *The system of modern societies*. Moscow: Aspect-Press. (In Russ.)
- Prozorova Yu.A. (2022) Democracy and Soviet Modernity. *Neprikosnovenniy zapas* [Emergency reserve]. No. 1 (141): 131–162. (In Russ.)
- Ritzer G. (2003) *Globalization of Nothing*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Rodkin P.E. (2022) “Break Culture” and Consumer Society in the Context of McDonald’s Exit from Russia. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’* [Social sciences and modernity]. No. 6: 125–136. (In Russ.)
- Romanovsky N.V., Biyzhanova E.K. (2022) Theoretical sociology in Russia: state, problems, prospects (About XXIII Kharchev readings). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 143–145. (In Russ.)
- Russia as a civilization: materials for reflection* (2015). Ed. by O.I. Shkaratan, V.N. Leksin, G.A. Yastrebov. Moscow: Mir Rossii. (In Russ.)
- Russian Society: Architectonics of Civilizational Development*. (2021) Ed. by V.V. Kozlovsky. Moscow; St. Petersburg: FNISTS RAN. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-375-1.2021. (In Russ.)
- Sakva R. (2023) Hazing international relations. *Rossiya v global’noy politike* [Russia in global politics]. Vol. 21. No. 1 (119): 34–50. (In Russ.)
- Shestopal E.B., Rogach N.N. (2022) Images of the Present and Future of Russia in the Political Mentality of Its Citizens. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’* [Social sciences and modernity]. No. 6: 45–61. (In Russ.)
- Shubrt I. (2021) Thoughts on modern Russian sociology and its prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–15. (In Russ.)
- Sokolov M.M. (2010) Individual trajectories and the origin of “natural zones” in St. Petersburg sociology. *Zhurnal sotziologii i sotsial’noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 3: 111–132. (In Russ.)
- Sztompka P. (1993) *The Sociology of Social Change*, Oxford: Wiley-Blackwell.
- Titarenko L.G. (2022) Theoretical sociology in modern Russia: global and national perspectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–14. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) The trauma society as the third development modality. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya* [Journal of the Belarusian State University. Sociology]. No. 1: 4–12. (In Russ.)
- Toynbee A.J. (2004) Philosophy of History of Sorokin. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 1–44. (In Russ.)
- Turner St. P. (2022) *Mad Hazard: a Life in Social Theory*. Bingley, UK: Emerald Publishing.
- Wagner P. (2022) Progress and modernity: the problem with autonomy. *Zhurnal sotziologii i sotsial’noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 25 (2): 7–27. (In Russ.)
- Wallerstein I.M. (2001) *The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Received: 28.02.23. Final version: 06.04.23. Accepted: 13.04.23.